

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-4
Б72

Бове, Клементина.

Б72 Королевишны : #3колбаски : [для среднего и старшего школьного возраста] / Клементина Бове ; пер. с франц. Тимофея Петухова. — М. : Самокат, 2020. — 288 с. — (Встречное движение). — ISBN 978-5-91759-977-9.

В свои почти тридцать Клементина Бове, знакомая российскому читателю романом в стихах «Ужель та самая Татьяна?», написала дюжину книг и стала лауреатом десятка премий. Книга «Королевишны #3колбаски» получила во Франции целых пять престижных литературных премий и разошлась тиражом более 80 000 экземпляров! Она уже переведена на 11 языков и вышла в 9 странах!

Из-за непривлекательной внешности Мирей, Астрид и Хакима стали «Колбасами года» в лицее, в городке Бурк-ан-Брес. Три девушки случайно выяснили, что каждой из них необходимо оказаться в одно время в одном месте: 14 июля, Париж, Елисейский дворец. Отличный план на лето! А раз ехать, почему бы не на великах? А по дороге можно торговать... злосчастной колбасой! Только никто не предполагал, что эта эпопея привлечёт внимание СМИ и превратит трёх подруг в знаменитостей. В поту, ссорах, сомнениях и стёбе колбаски совершают свою одиссею по Франции, дегустируя сыры, ночуя в замках и попадая на балы.

«“Королевишны #3колбаски” — шедевр юмора с кислинкой, уморительная комедия, острая, вдохновенная, полная сдержанных чувств. Из тех книг, от которых вырастают крылья». (*Телерама*)

Original title: Les Petites Reines

Text by Clémentine Beauvais

© 2015 Éditions Sarbacane, Paris

Russian Translation rights arranged through
La Petite Agence, Paris.

© Петухов Т.М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

ISBN 978-5-91759-977-9

*Моим любимым буркам и буркам,
которые украдкой появляются
на этих страницах*

Часть первая

Бурк-ан-Брес

Ага, а вот и результаты в фейсбуке выложили: я — Бронзовая Колбаса.

Шок. Два года подряд я брала золото, так что была уверена: уж меня-то никому не переплюнуть, — ан нет, ошиблась.

Глянула, кто удостоился высшего титула. Новенькая из 9 «Б», не знаю её. Некая Астрид Бломваль. Светлые волосы, прыщи, глаз косит так, что видно только ползрачка — вторая половина навсегда скрылась под веком. Что ж, к жюри вопросов нет.

Серебряную Колбасу присудили совсем крошке, Хакиме Идрис из шестого. Нет, ей, конечно, тоже уродства не занимать, с её чёрными усиками и тройным подбородком; чем-то на шуку похожа.

Наш любезный друг Мало оставил комментарий под фото каждой из восемнадцати претенденток. Меня он выделил особо:

Борьба была суровой, но Мирей Лапланш всё равно останется для меня Королевой всех Колбас. О, эти жирные железные ляжки, эти обвисшие груди, этот подбородок

картошкой и маленькие пороссячы глазки — вы навечно запечатлены в моей памяти!

Комментарий уже насобирал 78 «мне нравится». Я добавила от себя 79-й.

Потом спустилась в столовую и объявила маме:

— В этом году я Бронзовая Колбаса!

— О... И что же, тебя поздравить или как?

— Ну, не знаю. Может, ты хотела, чтобы я подтвердила свой золотой титул?

— Я бы хотела, чтобы никто и никогда не называл тебя колбасой.

— Значит, не надо было спать с уродливым стариканом, всё просто.

— Не говори так про своего отца.

— Будь он здесь, он бы мной гордился!

— Нет, не гордился бы.

— Напишу-ка я ему письмо.

— Не пиши никаких писем!

— «Дорогой-любимый папочка, по итогам этого чудного учебного года твоя обожаемая дочка удостоилась звания Бронзовой Колбасы лица имени Мари Дарьёсек в Бурк-ан-Бресе. Это приятное поражение, так как обычно она берёт Золотую Колбасу».

— Мирей, ты меня бесишь. — Мама смотрит на потолок и сообщает дизайнерской люстре: — Подростки... Ненавижу.

Мой отец — французский немец. В целях защиты персональных данных будем звать его Клаус фон Штрудель. Герр Клаус, профессор Сорбонны, пишет

труды по философии. А ещё он был маминым научным руководителем и, видно, неплохо руководил, так как в итоге она забеременела мной. Увы, их связь обречена была остаться тайной! Потому что в то время — как, впрочем, и сейчас — наш Клаус был женат на особе с огромнейшим потенциалом. Доказательство — эта особа уже два года как президент нашей любимой Французской Республики. Для простоты будем звать её Барака Обаметта.

Итак, Барака Обаметта и Клаус фон Штрудель родили троих сыновей — то есть моих полубратьев — и наградили их дурацкими именами греческих богов, но, чтобы не мучиться, будем звать их Жоэль, Ноэль и Ситроен*.

По неизвестным мне причинам, как только мама узнала, что беременна, она тут же уехала из Парижа и решила вести философию у школоты в Бурк-ан-Бресе, административном центре департамента Эн (почтовый индекс 01). Где и вышла замуж за г-на Филиппа Дюмона, чья невзрачная фамилия полностью соответствует внутреннему миру её носителя.

Мы живём в фешенебельном особнячке с садовым участком, вместе с псом Мурлыкой и котом Колобилькой.

Общаюсь ли я с Клаусом? Нет, потому что на мои письма он не ответил ни разу. Вместо того чтобы написать своей тайной дочурке, он всё даёт интервью,

* Так зовут троих сыновей в романе Бориса Виана "L'arrache-coeur" («Сердце-дёр» или «Сердце дыбом» в русских переводах).

например журналу «Философия сегодня». А раз в три года у него приплод — трактат по метафизике. Мама покупает их и читает, и я тоже. Она мне говорит: «Ты же ничего не поймёшь, это сложно, Мирей!» — но я всё равно читаю и кое-что понимаю.

Клаус пишет в таком духе:

«Спекулятивному реализму удалось *расширить проход* вглубь внекантианской метафизики...»

«Квентин Мейясу переворачивает современную метафизику и заставляет её *содрогаться под напором его идей...*»

«Однако я отрицаю господство *кастрированного платонизма и картезианства...*»

Я:

— Что за мерзости, Клаус.

Мама:

— Ну всё, хватит! Во-первых, его зовут не Клаус, и вообще, ты же ничего не понимаешь, его идеи революционны, но ты этого не видишь, тебе не понять.

— Мама, он пишет про Платона и Декарта, как про мошонку.

— Пятнадцать лет! — воздевает руки мама. — Пятнадцать... самый дурацкий возраст на свете!

— Пятнадцать с половиной, па-апрашу.

Первое письмо Клаусу я отправила, когда мне было восемь.

Добрый день, мсье!

Моя мама (Патрисия Лаплани) сказала мне, что Вы мой отец. Я была бы рада встретиться с Вами в Париже и повидать [Жоэля и Ноэля]. Я учусь в начальной школе имени Лорана Жерра, у меня хорошие оценки, и я читаю с четырёх лет.*

До свидания,

Мирей Лаплани

* (Ситроен тогда ещё не родился.)

Второе — в двенадцать лет:

Мсье!

Вы не ответили на моё предыдущее письмо. Хотя это было бы весьма любезно. Я уже в шестом, в лицее имени Мари Дарьёсек. Я лучшая ученица в классе. Я всё ещё хотела бы с Вами встретиться, в Париже или где-нибудь ещё. Мой мобильный: [...].

Ваша

Мирей

Третье я написала три месяца назад:

Клаус!

Ты мой отец. Ты в курсе, потому что, конечно же, получил мои предыдущие письма. Я вижу тебя по телику с [Баракой Обаметтой], [Жоэлем, Ноэлем] и [Ситроеном]; и, по-моему, ты вконец зазнался, раз не отвечаешь на мои письма. Мне пятнадцать, я не идиотка. И если что, моя мама не «стоит за этим» — вдруг тебя это волнует. Я читала твои книги. Позвони.

Мирей

Третья осечка. Про третье письмо мама точно знает, потому что я нарочно оставила конверт поваляться на столе перед отправкой.

[Клаусу фон Штруделю]
Париж, Елисейский дворец.

Почтальон, вперёд — отцовство не ждёт!

— Очень смешно, — сказала мама, когда увидела. — Какая ты у меня юмористка, дочка! Помираю со смеху.

— Ты позволишь ей это отправить? — спросил Филипп Дюмон с озабоченным видом (= задрал верхнюю губу и теребя манжет).

— Пусть делает что хочет — это она нас так провоцирует, — возразила мама. — Всё равно он ей не ответит, так что без разницы.

Филипп Дюмон всегда горько страдал оттого, что не в силах заполнить пустоту, оставленную в моей жизни Клаусом фон Штруделем. Он водит меня в кино, в музеи, в боулинг. Разрешает есть каштановое повидло прямо из банки. Говорит: «Считай меня своим отцом, Мирей, я твой отец!» Тогда я закрываю рот руками и говорю: «Х-хум.... Х-хум... я твой оте-е-ец!» А он давай меня отчитывать: «Это мой дом, Мирей! А это мой диван! Ты живёшь в моём доме, между прочим!» Что наполовину неправда: полдома принадлежит маме, если не считать, что она ещё не выплатила свою половину кредита (немудрено с зарплатой училки), а Филипп — нотариус и ротарианец, что означает, что он член Ротари Интернэшнл.

— Что такое Ротари, мама?

— Это клуб людей вроде Филиппа, разных профессий, которые встречаются, обсуждают разные вопросы, знакомят друг друга со своими детьми.

Филипп как-то попытался познакомить их со мной.

— Познакомьтесь, это Мирей, дочь Патрисии.

Ротарианцам за рождественским столом было оч-ч-чень приятно пожать руку Квазимоде над бутербродами с икрой. Однажды, когда мне было лет девять, кто-то особо проникательный заметил:

— Знаете, ведь эта крошка напоминает одного философа, а?

Тут во мне вспыхнула надежда; я смотрела на этого бритого краснощёкого дяденьку и повторяла про себя: «Давай же, скажи, скажи, что я похожа на Клауса фон Штруделя, зарони подозрение, пусть люди задумаются, прикинут даты... Может, Клаус признает, что я его дочь, когда весь Бурк-ан-Брес подпишет петицию!»

Но вместо этого одна дама спросила:

— Жана-Поля Сартра?

И мужчина кивнул:

— Да, точно! Жана-Поля Сартра!

— Так себе комплимент, — прыснула дама.

— Да, — подтвердил её честный собеседник.

Гугл → Жан-Поль Сартр → косоглазый и на редкость уродливый старик. Ещё чуть-чуть, и переплюнул бы Клауса.

На следующее утро я заявила маме:

— Знаешь, если бы тебе повстречался Жан-Поль Сартр, ты бы точно закончила в его постели.

— Давно не получала?

— Я просто говорю, что он, похоже, в твоём вкусе! Философ, революционер, вот-это-всё-великий-теоретик и тэ дэ... Это комплимент вообще-то, мамулечка! Что ты сразу в штыки?

— Как ты с матерью разговариваешь! Нет у меня такого хобби — спать со всеми направо и налево, хоть с философами, хоть нет.

— Да ладно, он всё равно умер. В 1980-м, этот самый Жан-Поль. А я родилась лет на сто позже, так что сомнений нет: отцом он мне не приходится.

— Будь спокойна! — проскрежетала мама.

Тогда я запела «Траурный марш», чтобы почтить память Жана-Поля (*там-там-тадам-там-тадам-тадам-тадам*), и пела довольно долго. Под конец это стало её бесить.

— Замолчи, Мирей, пожалей наши уши, в конце концов!

И тут я выдала то, чего выдавать не стоило:

— Знаешь, что мы тут проходили по истории, мамулечка? Оказывается, во Франции после Второй мировой войны всех, кто спал с немцами, стригли наголо. Представляешь? Всего-то несколько десятков лет...

Она посмотрела мне прямо в лицо — могу поклясться, она прокручивала в голове то, что я только что сказала, не веря ушам. Я немного испугалась, но всё-таки добавила шутки ради:

— И плакала твоя коса!

И поплатилась моя щека.

— Марш в свою комнату. Не хочу тебя видеть.

Не знаю, почему мне так нравится доводить мать. Не знаю, зачем я вылила в унитаз весь флакон Flower by Kenzo, который Филипп Дюмон любезно подарил мне на день рождения («Скажи, Мирей, ты поблагодарила Филиппа за духи, которые он любезно подарил тебе на день рождения?»), притом нарочно не спустила воду, чтобы он сразу понял, где теперь благоухают его 54 евро.

Не знаю почему, но оно вот так.